

18+ Вячеслав Кислицын

Как просто

Книга стихов

Вячеслав КИСЛИЦЫН
Как просто. Книга стихов

«Издательские решения»

Кислицын В.

Как просто. Книга стихов / В. Кислицын — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518980-6

Вячеслав Кислицын родился в Свердловске (сегодня это Екатеринбург), где и проживает по сегодняшний день. Первое стихотворение написано в 1979 году. Первая публикация в газете «Свердловский строитель» состоялась в 1981 году. В период с 1981 по 1992 год печатался в газетах «Свердловский строитель», «На смену», в журнале «Пастор Шлаг». Лауреат многочисленных международных и Российских фестивалей и премий. Член РОО «Союз писателей Крыма».

ISBN 978-5-00-518980-6

© Кислицын В.
© Издательские решения

Содержание

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ПЕПЛУМ	7
Люблю я, братцы	7
Юношеское ностальгическое	8
Ностальгический пеплум	9
Сегодня, тридцать лет спустя	10
Декаданс	11
Огонь вечерний	12
Ноябрь 28 – е	13
40 Лет ВЛКСМ	14
Вкусом из детства	15
КАК-ТО ТАК	16
Как просто	16
Как будто ни при чём	17
Ты идёшь босиком по дороге	18
Внук в окно смотрел, как падал снег	19
Параллели	20
Знать бы только	21
Зима, твои руки белые	22
Как-то так	23
Опять снега	24
Снежный человек	25
Теперь пойдём	26
Верить не перестану	27
Слепит сегодня солнце между строк	28
Качнулись	29
Екатеринбургский шансон	30
Давай соврём	32
Раскричалось с утра вороньё	33
Я поездил по свету немало	34
Стрекочет кузнечик	35
На душе скребутся кошки	36
Разговор	37
Ты посмотри	38
Ты ветер	39
Когда святые маршируют	40
По умолчанию	41
Я промолчу	42
Соловей всё свистел на закат	43
Мы идём	44
Аз, буки, веди	45
Finita la...?	46
Платье из ситца	47
Станцуем танец на углях	48
Ступни запутались в песках	49
Кайнозойская эра	50
Два шага до этногенеза	51

Осенний иронический	52
Хоть утро выглядит тревожно	53
Шуршит одеяло бамбуком	54
Снег и Карлсон вернулись	55
Весеннее аптечное	56
Ты подошла	57
Мартовское, монашеское	58
От ноты «До», до ноты «Си»	59
Солнце светит	60
Идёт весна	61
УРАЛЬСКИЙ ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ МИКС	62
Девушка из небылиц	62
В параллельности Вселенных	63
А если...	64
Умереть мы с тобой успеем	65
Скоро	66
И В ШУТКУ И ВСЕРЬЁЗ	67
Про интернет и репу	67
Поэтессе со «Стихи.ру»	68
Под лозунги осени	69
Трамвай желаний	70
Разгоняю всех сорок	71
Подожду карету	72
Там, на неведомых дорожках	73
Конь в пальто	74
А не пора ли нам...	75
Бродят тени за окошком	77
Я берёзе белой	78
Свидание	79
Враг не пройдёт	80
Чудо-явь	81
Меняет ветер	82
Метаморфозы	83
Я не люблю зимы метаморфозы	84
Конец ознакомительного фрагмента.	85

**Как просто
Книга стихов
Вячеслав Кислицын**

© Вячеслав Кислицын, 2021

ISBN 978-5-0051-8980-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НОСТАЛЬГИЧЕСКИЙ ПЕПЛУМ

Люблю я, братцы

Из юбилейного цикла

Люблю я, братцы, по старинке,
бродить дорогами в пыли
и собирать в ладонь росинки,
рукой качая ковыли,
и верить – мир устроен просто,
как слово «нет» и слово «да»,
что с первых дней и до погоста
для всех горит одна звезда.
Ногой босой ступать по травам,
в которых небо и цветы.
Ты дал мне, Боже, это право —
смотреть на звёзды и кресты.
Чтоб верить в жизнь и чтить могилы,
молиться, молча, у икон,
любить, любить – ты дал мне силы
в тот день, когда я был рождён.

27.10.2018

Юношеское ностальгическое

Из юбилейного цикла

В берёзовой роще у дома
кукушки считают деньки,
я юн, и с тобой мы знакомы,
шаги твои в травах легки.
Слышны они слева и справа,
над речкой поднялся туман,
он, молча, ползёт к переправам,
а солнце крадётся к домам.
Пастух гонит сонное стадо,
и мы провожаем его,
и ты мне как будто бы рада,
и осень ещё далеко.
Поют петухи перекличку,
в туманах сменив соловья.
Ты крутишь задорно косичку,
смеётся деревня твоя
над парнем с рабочих окраин,
панельных трущоб городских.
Читаю, насмешку читаю
в глазах голубых, колдовских.

28.10.2018

Ностальгический пеплум

Из юбилейного цикла

Река Уфа. Тень Пугачёвских сопок,
и где-то в плавнях бродит Салават.
В намокших джинсах высыхает хлопок
Montan-ой местной жестко-грубоват.

Нас трое в лодке и одна собака.
А там, на Темзе, Джером К. Джером,
(и как гладка, и так бела бумага)!
Мы с Салаватом за его окном.

Клюёт чебак, подлещик и сорожка,
и пескари длиной в ладонь руки.
Слегка занудно в уши лезет мошка,
а Емельян поднял свои полки.

Красноуфимск не выдержал осаду,
казаки пьют хмельную сон-траву.
А нам бы просто не попасть в засаду,
на поезд сесть и покорить Москву.

Где жжёт огонь в ковше Олимпиада
(и лишь одних американцев нет),
двенадцать лет до полного распада,
молчит Таганка, замолчал поэт.

Трещат над сопкой шумные сороки,
и Пугачёв ещё не убиен,
ещё не все известны даты, сроки.
Ещё поет со сцены Джо Дассен.

Мы у костра, а в небе тают звезды,
в Уфу со свечек оплывает воск.
К огням жучки скребутся по берёсте,
в траве кузнец стрекочет – виртуоз...

24.11.2018

Сегодня, тридцать лет спустя

Из юбилейного цикла

Сегодня, тридцать лет спустя,
Опять осада Ла-Рошели,
Чертить по судьбам параллели,
На всё смотреть полушутя.

Когда прорехи есть в строю,
Ты весь из олова и стоек.
А первый тост фатально горек
За тех, кто где-то там, в раю.

И вспомнишь: бравый зампотех*,
Он твой сапог срезает ловко,
Освобождается сноровка
Идти до Бога без помех.

Но болью рук родных тепло,
Что разрывает расстоянья,
А я уже стою на грани,
И ты идёшь смертям назло.

Уходит дамочка с косой,
У полосы несжатой мама,
Закрыв меня, стоит упрямо,
А я голодный и босой.

Не тороплюсь коснуться звёзд...
Под утро продолжают сниться
Немых друзей живые лица...
И поднимаю первый тост.

Зампотех – заместитель командира роты по технической части.

*

Декаданс

Из юбилейного цикла

Ты искал квадратуру круга,
необъятность не мог объять.
За окном бушевала вьюга,
выстывала за ночь кровать.
Ты на звёзды смотрел в колодцы,
на ладонях не видел схем —
там зияли прорехой донцы
нерешаемых теорем.
Сальвадорами дали мерил
и обменивал на рубли.
Всем вождям с трубкой мира верил,
что прекрасное есть в Дали.
Но в Дали было так далеко,
а хотелось при жизни – в рай,
чтоб по полной, чтоб всё глубоко,
чашей полною через край.
Но стоишь у открытой двери
или, может быть, у двери,
очень хочешь ещё поверить,
или просто поговорить...

21.11.2018

Огонь вечерний

Из юбилейного цикла

Ты видишь вновь огонь вечерний
небесных далей и кочевий,
ступив ногой на Млечный путь,
толчком вселенную качнуть.
Но неуверенная поступь
мешает всё познать на ощупь,
на вкус, на запах или цвет,
а за спиной парад планет.
И тень померкнувшей Эллады,
эфес от сломанной эспады.
И все слова звучат в рефрен,
и твой разрушен Карфаген.
И уплывает каравелла
под «болеро» Maurice Ravelя,
со шпагой мальчик постарел,
а в небесах амур без стрел...

Но тает снег в его ладошке,
и солнце прячется в лукошке —
нехитрой клоунады трюк,
аплодисменты... ловкость рук...

07.11. 2018

Ноябрь 28 – е

Из юбилейного цикла

Не люблю свой ноябрь: в нём погода нема и фальшива.
Не люблю его снег, тот, который крупую в лицо.
Не торопятся дни, и в часах стрелки крутит лениво
Бог в забавах своих, наметая сугроб на крыльцо...
Белым снег, белым стих, белым дым в белом мареве бели.
В белой гвардии снов у домов замерзают полки.
И метут над страной, завывая, как волки, метели,
И трещат у дверей под замком от зимы косяки.
Но котельная топит, и небо коптит над трубою,
И тепло по домам нескончаемо гонит насос,
Значит, я ещё жив и не треснул от счастья губою,
И до белых одежд этот мир не дожил, не дорос.
Выхожу я во двор – в снежный двор на привычный мороз...

40 Лет ВЛКСМ

Ветры крутят земные сферы,
сквозняки продувают шар.
Есть желанье закрыть портьеры
и не видеть ночной Монмартр.

Разлетелся Париж по свету,
эх, забыть бы о нём совсем.
Рядом улица сквозь планету —
«Сорок лет ВЛКСМ»

И кручусь я на ней, как белка,
и рулю свой вопрос-ответ.
С кем сегодня «забита стрелка»,
чьих сегодня в помине нет?

«Савва Сербский» звучит набатом,
над крестами снега кружат.
И стоим мы под снегом с братом:
– Где же сила и правда,
брат?

Вкусом из детства

Вкусом из детства в мундире картошки.
Льётся из крынки в стакан молоко,
ломоть ржаного, на блюдечке крошки;
домик в деревне, сезон отпусков.

Лает Трезор во дворе у забора
и сторожит незакрытую дверь,
дед возвратился с ночного дозора,
утро встречает колхоз без потерь.

Утро встречает «Заря коммунизма»,
и горизонты за лесом видны,
солнце вливается тёплой харизмой
в каждого жителя лучшей страны.

Всё ещё живы.
Гагарин и Брежнев
слева божницы* под богом висят,
бабушка ножичком ломтики режет
«Докторской», круглой, за два пятьдесят...

**Божница – подставка под иконы, киот.*

КАК-ТО ТАК

Как просто

Как просто – первым было слово
и всей материи основа
стояла во главе угла.
Яйцо над курицей смеялось,
рассвету солнце улыбалось,
жужжала над цветком пчела.

Как просто – ты сказала: – Здравствуй.
Вот я, бери меня и властвуй.
Мы можем жить и в шалаше,
но чтобы комнат было восемь,
давай у Бога их попросим,
рисуй его в карандаше.

Как просто – белый лист бумаги,
доспехи Бога – латы, краги
и сострадание в глазах.
Несутся дни, проходят годы,
меняя страны и народы
в лесах, в горах и во дворах.

Как просто – внуки ходят в гости,
к дождю скрипят в суставах кости,
призывней купола церковей.
На лето – сад, цветы на грядках,
оставлен город в стройплощадках,
но комнат в доме только две.

Как будто ни при чём

Олегу Ягодину

Для куртки с шапкой – личный номерок,
здесь всё берёт от вешалки начало,
программку в руки вместо опахала,
а лицедейство наше не порок.

Давай опять без паузы начнём
и не закончим до финала действо,
продолжит Ричард совершать злодейства,
а мы с тобой как будто ни при чём.

Ведь мы с тобой совсем «не при делах»,
но ждёт антракт равнодушный зритель,
он здесь один – по праву, победитель,
а мы паяцы на его зубах.

Он перемелет тонкости игры
с тирамису под кофе с карамелью
и нарисует графику пастелью
там, где в постели сразу три сестры.

Так был ли мальчик, разве в этом суть?
Рояль в кустах молчит без пианиста:
где Летний сад открыт для интуриста,
там, где Крылов задумчивый чуть – чуть.

Ты идёшь босиком по дороге

Ты идёшь босиком по дороге,
На устах и в улыбке вопрос:
– Кто омоет уставшие ноги,
Что расскажет воскресший Христос?
А вопрос не допрос, но похоже,
Вышло время Марий Магдалин,
Не согреть им озноб твой на коже,
И не создан ещё аспирин.

Тайны вечере скрыты от взора,
И голгофа стоит без креста.
На дорогах до Рима дозоры.
И молитвы не тронут уста.
Впереди силуэт на осляти,
Горизонта размытый обрез,
Не по силам Афине Палладе
Щит подставить под манну с небес.

И ничто в этом мире не вечно
(Эпикур, Диоген и Сократ),
Доверял им всецело, беспечно,
Отстранённый от службы Пилат.
И закончил он жизнь на дороге...
Для него это был не секрет —
Если смерть замерла на пороге,
То тебя для неё как бы нет.

Внук в окно смотрел, как падал снег

Женьке

Мудрец Пилат был «добрый человек»*,
но больше смерти он боялся слова.
За ним был Рим, а в Риме вся основа,
основа Рима таяла, как снег.
А Этот знал – есть после жизни жизнь,
и что не раз ещё душе родиться,
чтобы в потомках словом повториться,
и впереди есть век себя постичь...
Он преломлял свой хлеб и пил вино,
Он знал, как больно в тело входят гвозди,
как гвозди с хрустом рвут в ладонях кости,
что это всё терпеть Ему дано.
А на дворе был двадцать первый век,
мы с сыном шли, друг в друге повторяясь,
светило солнце, в стеклах преломляясь,
и внук в окно смотрел, как падал снег.

* «Добрый человек» – М. Булгаков «Мастер и Маргарита»

Параллели

И вот она, вся от «Шанель»,
заходит в новенькой шинели
(шинель рифмуется с постель),
а ветер крутит параллели.

Шумят шторма у мыса Горн,
Бермудом треплет треугольник;
кино и немцы... есть попкорн,
есть белый снег – почти покойник.

От реагентов почернел
(дороги чёрные в России),
и чьи-то руки ищут мел
переписать судьбу мессии.

Успеть до крика петуха
отречься трижды, это ж надо!
По совокупности греха,
по совокупности расклада.

На веки. Присно. Дажь нам днесь
один серебряник на сдачу,
Шанель. Кресты. Благая весть.
И за свечой святые плачут...

Знать бы только

Чьё-то «счастье не за горами»*,
Но не в реках Уральских гор.
Мы крутили свой глобус сами,
Помню, пили тогда «Кагор».
А «географ» кричал: -Амбарчик!
(То ли бухта, то ли село?).
Он твердил: – Там заветный ларчик!
Там в другие миры окно!
«Математик» рубил глаголом
И считал корабельных крыс,
А «историка» клял монголом,
Разделимостью биссектрис.
Параллельность была в границах
И директорский жгла каблук.
Не менялись поэты в лицах,
«Англичанку» любил «физрук».
Всё обычно и по программе,
Под устойчивый политес:
Всё сводилось к банальной драме,
И в поэта стрелял Дантес...

Моег камень привычно Мойка,
Ищет счастье народ с утра,
Счастье есть, там его – хоть сколько,
Знать бы только, где та гора...

* «Счастье не за горами» – арт объект на набережной реки Кама в городе Пермь

Зима, твои руки белые

Ах, зима, твои руки белые
Мне за шиворот сыплют снег,
Губы алые, заиндевевые,
И глаза под покровом век.
Я согрею тебя дыханием,
В душу вылью бокал вина,
Я горю этим диким желанием...
Разве это моя вина?

Я к тебе прибегал по снегу,
Чтобы губы твои целовать,
Но в сугроб ты меня: с разбегу,
А мечталось к тебе в кровать.
Ах, зима, страсть моя голодная,
Можно плакать и водку пить,
Для меня ты всегда холодная,
Я привык вас с весной делить.

Как-то так

А сегодня как-то так:
минус восемь за окошком,
дочка дочку родила;
куртку к новеньким сапожкам
в тон и цвет жене купил.
На Урал ползут морозы,
снег под утро заходил,
зацвели в горшочках розы.
И на веточке лимон
набирает вес и силу.
На душе звучит шансон,
напрягает дворник жилу:
выметает белый снег,
и вокруг растут сугробы,
чтоб ходить мог человек.
Да и просто – чтобы, чтобы...

07.12.2018

Опять снега

Опять снегá, а ты грустишь.
Зачем, послушай?
Когда вокруг такая тишь
и ветры кружат.
В печи огонь, горят дрова,
стреляют сухо.
Мороз рисует кружева,
скрипит старуха —
берёза прямо за окном,
склонивши ветки,
(вы стеснены одним двором),
как две соседки,
где вам вдвоём встречать весну,
встречать рассветы,
смотреть ночами на луну,
на хвост кометы.

И, может, кто-то постучит
однажды в двери,
и скрип берёзы замолчит,
ему поверит...

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Вот и выпал снег.
Замёл дорожки.
Он пришёл сегодня, белый снег.
Я засунул в варежки ладошки,
Я сегодня снежный человек.

По двору слоняюсь, неприкаян,
Мне сегодня очень повезло:
Я тобой и ветром обнимаем,
Встану здесь морозам всем назло.

Вот стою, и мне себя не жалко,
От стыда пусть покраснеет нос,
На пути в снегу уселась галка,
Может, ворон? А к чему вопрос?

Орнитолог знает птиц по перьям,
Я не знаю птицу ни одну.
Снег идёт, ты смотришь с недоверьем,
Я же в сердце растопил весну.

Стал с утра я снежным человеком,
И к себе такому не привык,
Во дворе с тобой стою под снегом,
С бабой снежной нежный снеговик.

Теперь пойдём

И выпал снег... теперь пойдём
в нём оставлять следы и мысли.
А там, на кухне, – чай вдвоём,
и соль давно избитых истин,
вкус чабреца и вкус конфет
(а в них какао и орешки),
и над столом неяркий свет,
дымком подёрнуты пельмешки
на блюде ярко-голубом,
и простота во всём святая...
Следы оставим за окном,
где белый снег уже не тает.

31.10.2018

Верить не перестану

*«...это значит, что всё впереди,
но уже на другом берегу.»
Рюрик Ивнев*

В дни молитвы души
верить не перестану,
не устану любить,
не устану дышать.
А когда от себя
в этой жизни отстану,
я с маршрута сойду,
чтобы снова начать
на другом берегу...
Буду ждать нашей встречи,
на другом берегу
свой костёр разожгу.
Пусть горит мой костер,
согревая твой вечер
на другом берегу,
на другом берегу...

Пусть плывёт млечный путь
и качаются звёзды
и срываются прямо
в ладони к тебе.
И пускай за окном
что-то шепчут берёзы —
это ветер и я
пробегаем в листве.

Слепит сегодня солнце между строк

Слепит сегодня солнце между строк,
и день в картинке запредельно ярок.
Пакетик чайный сильно занемог:
не пережил каких-то двух завтраков.
И ты прилипла к телу моему,
такая суть живого, всех органик.
Вопросов нет: Зачем и почему
среди жары погиб во льдах «Титаник»?
В тот век, ушедший с дымом папирос,
где запах женщин с привкусом победы....
Волнует сердце солнце-абрикос,
и липнут к строчкам юные поэты.

Качнулись

Качнулись берёзы, качнулись осины,
и небо качнулось бездонностью сине.
Качнулись твои голубые глаза,
на горке за лесом качнулась гроза.
Качнулись дороги, ж.д. переезды,
в душливом городе двери в подъезды.
В бетоне и камне качнулась река,
качнулся носок моего башмака.
Качнулся трамвай, за желаньем умчался
и, стоя в «депо», сам себе удивлялся —
он пулей носился, но не было пуль...
так просто, на август качнулся июль.

Екатеринбургский шансон

На Исети не тонут подлодки,
у Исети другой антураж.
Мы с тобой на прогулочной лодке
в городской заплываем мираж.
Где потухло вселенское око
и разрушена башня-маяк,
там Бажову теперь одиноко,
грустный Мамин стоит Сибиряк.

Но раскинулась лента проспекта,
и над ней не подвешен «кирпич»,
от объекта ведут до субъекта
Жуков, Свердлов, Попов и Ильич.
В тупике Киров ходит уставший,
и Георгий торопит коня.
Отголоском религии павшей
слéпит свет золотого огня.

Виден свет этот в каждом окошке.
Пусть шумит самый Главный Проспект,
мы с тобой постоим здесь немножко,
а коня к нам подгонит стратег.
И посмотрим на Ленина смело,
Бог не выдаст, спасёт от беды.
Кто-то сбоку хитро пишет мелом,
мелом нашей тревожной судьбы.

*Исеть – река, на которой стоит Екатеринбург,
Вселенское око, башня-маяк – Екатеринбургская телебашня, разрушена
в марте 2018 г.*

*Бажов П. П. – советский, уральский писатель, автор «Малахитовой
шкатулки», бюст установлен*

*на «Плотинке» городского пруда, рядом с бюстом Д. Н. Мамина-
Сибиряка.*

*Д. Н. Мамин-Сибиряк – русский, уральский писатель, автор романов
«Приваловские миллионы»,*

«Золото» и др.

*Жуков Г. К. – «Маршал Победы» – памятник установлен на «Главном
Проспекте»,*

*Свердлов Я. М. – председатель Всероссийского ЦИК, памятник
установлен на «Главном Проспекте», напротив «Театра Оперы и Балета».*

*Попов А. С. – изобретатель радио, памятник установлен на «Главном
Проспекте» рядом с «Главпочтамтом».*

*Ильич – Ленин В. И. – памятник установлен на «Главном Проспекте»
на «Площади им. 1905 г.».*

Киров С. М. – первый секретарь Ленинградского обкома ВКП (б), памятник установлен на Площади Кирова, в которую упирается «Главный Проспект» Екатеринбурга с восточной стороны города.

Свет золотого огня – памятник «Вечный огонь», расположен на площади Коммунаров, в которую упирается «Главный Проспект» с западной стороны города.

Мел судьбы – так горожане называют памятник Ельцину Б. Н., первому Президенту России. Расположен на улице Ельцина Б.Н, где-то сбоку от «Главного Проспекта».

Давай соврём

Давай соврем друг другу честно,
И ты мне скажешь: – Не скучай,
И что уже корица в тесте,
И ты зовёшь меня на чай.
Отвечу я: – Дела, работа,
Горит огнём план «ГОЭЛРО»*,
Что там за пятницей суббота —
Доставлю свет в твое село.
Чай закипит не на конфорке,
И в люстре десять тысяч свеч,
И оживёт узор на шторке,
Тут важно губы не обжечь.

**План ГОЭЛРО (государственная комиссия по электрификации России) – план электрификации РСФСР принят 21 декабря 1921 года.*

Раскричалось с утра вороньё

Раскричалось с утра вороньё
(До чего же противная птица).
Ворон мудрый? Всё это враньё!
Почему в эту рань мне не спится?

За окошком машины шумят.
Кто их гонит, куда, спозаранку?
И трамваи по рельсам гремят —
Крутит утро привычно шарманку.

Тело чувствует лёгкую дрожь,
Летом редко приходят ознобы,
Душ горячий, меня уничтожь
И согрей от нечаянной злобы.

Утром нас разделили слова.
Птицы гнут тополиные кроны,
Как с похмелья болит голова,
Там не вброны, просто ворбны.

Я поездил по свету немало

Я поездил по свету немало,
Отдыхал от навязчивых грёз,
Но всегда возвращался усталый
В тихий край белоствольных берёз.

Ветер пел изумрудной листвою.
Малахитовый шёпот травы
Опьянял каждый раз с головою,
Только не было той головы.

И несло без особой причины
В раскалённый бетон городов,
Где так рано седеют мужчины
От ненужных забот и трудов.

Сердце болью всегда вспоминает:
В ярком солнце прозрачного дня,
Легкий ветер верхушки качает,
Рощи манят обратно меня.

А в полях ковыли колосятся,
В белых рощах поют соловьи,
Сказки леса под утро мне снятся,
В муравейниках спят муравьи.

Стрекочет кузнечик

Стрекочет кузнечик, в траве у кювета
петляет дорога. Кончается лето.
Листочком в гербарий ложится строка
расплющенной лужей из-под каблука,
упавшей бесследно росой с травинки
и капнувшей в сердце холодной дождевой,
по кругу ползущей орбитой земли,
где все горизонты всё так же вдали.

И снова не спится с тобой до рассвета.
Туманна дорога. Кончается лето.

На душе скребутся кошки

В мозгах мышинная возня,
А на душе скребутся кошки,
Я к вам спешу, мои друзья,
Зажгите свет в своих окошках.

Давайте будем пить вино,
Хотите, можем выпить водки,
Рассмотрим у бокалов дно,
Рванём шансоном наши глотки.

Текут привычно мимо дни,
А было: вражеские танки.
И зажигали нам огни
Между боями маркитантки.

В любви купались и в крови,
Освобождая побережье,
Чтоб пели наши соловьи
И долетали в зарубежье.

Теряли мы своих друзей,
Когда отвагой козыряли,
Матрасы шили из гвоздей,
И нас самих друзья теряли,

Когда входили без ума
В любовный хитрый треугольник,
Любовь, и Вера, и сама
Надежда – славный наш полковник.

Давайте водку пить, друзья,
За те пустые полустанки,
Неблагодарные князья,
В снегах застряли наши танки.

Разговор

– Привет!
– Привет! Ну, как дела?
– Да, всё течёт в привычном русле,
вокруг одни полутонá,
по вечерам бывает пусто.
– Ты всё одна?
– Не видишь сам?
Всё, как в учебнике с задачкой...
Зайди в аккаунт «Инстаграм»,
увидишь дамочку с собачкой.
Сменила только цвет волос,
но узнаваема, как прежде.
По выходным ходьба и кросс,
во всём спортивный стиль в одежде.
А также – дача, огород.
Зачем одной всё это нужно?
К свободе личных несвобод
уже привычно равнодушна.
– Как дети?
– Семьями живут.
Вернее так, живут не в браке.
Два раза в месяц забегут —
цветочки, торт (глаза на влаге).
А в отпуск посетила Крым,
ещё не разбирала фото —
есть дело к этим выходным,
и отдохну от огорода.
Ну, извини,
пора,
бегу.
Второй этаж, двадцать шестая —
когда нечаянно умру,
ты заходи на рюмку чая.

Ты посмотри

Вике

Ты посмотри, какой арбуз!
Нам привезли с попутным грузом,
пролив достался Лаперузам,
нам – ягод драгоценный груз.
Чтоб нежно сплёвывать зерно,
его хлебать не нужен лапоть,
а мякоть будет сладко капать,
и рано ставить на «зеро».

А осень золотом дворов
тебя встречать готово утром
привычным городским маршрутом.
Сентябрь уже без комаров
шуршится ветром в фонарях.
А там, зима не за горами,
Сибирь с горячими ключами,
и ты опять при козырях.

Мы будем дальше жить с грехами,
отмолим их в монастырях!

Ты ветер

Прозрачен сентябрь под открывшимся небом
дождинками в лужах, амбарами с хлебом.
И тяжесть застрявшей в умах чепухи
на белый листочек диктует стихи.

По трепетной строчке, а больше не надо,
я слышу шаги твои в такт листопада,
и ветер уносит их медью из труб,
касясь до крови надкусанных губ.

Ты – ветер.
Ты – осень.
ты – шорох в деревьях.
где в давности лет затерялись кочевья,
куда с миражами ушли племена...
Ты – Осень...
Я помню твои имена.

Когда святые маршируют

When the Saints Go Marching In

Когда святые маршируют
и со свечи течёт слеза,
я на коленях не блефую,
глаза вонзая в образа.
И нет искусственности в коже,
и в сердце нет дубленных кож.
Совсем без кожи быть дороже
на ложе всех масонских лож,
где в нас вонзаются иголки —
и махаоном под стекло,
где от пронзённых пухнут полки,
где мы летим крыло в крыло...
Летим уже неодолимо
в
пространством сжатые углы.
Куда, зачем? И снова мимо —
на глубину своей иглы.
А всё святые маршируют...

По умолчанию

«По умолчанию» живём
вдвоём с тобой в большой квартире,
с утра свой кофе рыжий пьём
и ловим новости в эфире.
А просыпаемся с трудом,
глотнув привычную зевоту,
в своём пространстве мировом,
отбив у жизни нашу квоту.

И не копаясь в падежах
(а что ещё для счастья нужно?),
пересекаемся в мирах,
где всё движение окружно.
В пересечениях орбит,
детей и внуков собирая,
«по умолчанию» пошит
наш мир, где в строчке запятая.

Я промолчу

Я промолчу, устану рифмовать
все те слова, которые в кровать.
Давно забыли люди и народы
к душе и телу в эпикризе коды...
Лежать бы камнем поперёк воды,
но руки мёрзнут холодом зимы,
а сердце шепчет, что оно свободно,
и кровь бежит, но тело инородно.
Уже опасно дуть на молоко,
вода не кровь, она течёт легко,
и за спиной сплошные пустыри,
я их сегодня видел изнутри.

Я их сегодня видел изнутри,
и там следы,
следы
твои...
мои...

Соловей всё свистел на закат

Воробей прочирикал: – Чирик.
Ворона ответила: – Кар.
Раскачали они материк,
камнем с неба упал Икар.
Он упал, чтобы снова взлететь,
чтобы крылья свои обжечь.
Это скучно – ходить по земле,
но скучней в неё просто лечь.

Соловей всё свистел на закат,
разгоняя мою хандру,
эх, не жил я деньгами богат,
а он взял и умер к утру.

Мы идём

Мы идём неизменно к точке,
где Харон и его переправа,
вдоль тропы рвём свои цветочки
те, что слева, и те, что справа.
Мы идём по тропе и видим,
кто лишь тьму, кто – свечи свеченье,
по костям чужим, перемытым,
бьём друг в друга на поражение.
И не все ещё песни спеты,
но слова в них теряют смыслы.
То зима на плечах, то лето,
крест твой или, так, коромысло.

Из ведра бы воды напиться
и на ведро увидеть солнце,
но опять на закат не спится,
и душа там, где тонко, рвётся.
Половина души на север,
а другая, конечно, к югу,
но истёрлись следы кочевий,
ходим, ходим опять по кругу.
Словно стрелки по циферблату,
где потрескался лак паркетный,
там, где всадник взимает плату,
а под ним-то коняка бледный.

Аз, буки, веди

Аз, буки, веди – веды.
Хочешь, глаголь добро.
Где эти все победы?
Что там стучит в ребро?
Мне не понять санскрита.
Где ж эти знания взять?
Бабка сидит. Корыто
треснуло всё на – Ять.
Невод заброшен в море,
рыбки не виден след,
в библии или в торе
ищет ответы дед.
Мысли текут к созвездьям,
ловит волну баркас.

В телеэфире «Вести»,
море волнуется раз...

Finita la...?

Finita la...?

Снимаю шляпу,
хоть это мне и не к лицу,
и рано топтать по этапу
туда, к небесному Отцу.
И от себя сбежать не просто,
ведь кот Баюн – бойцовский кот,
кому Байкал, кому лишь остров,
где в камышах прогнивший плот.
У звёзд чужих за Ойкуменой,
в краю не ловленных мышей,
все постоянства переменны
количеством на шкуре вшей.
Низкобюджетно чистит ластик
и режет вены, как хирург —
так одевают тело в пластик,
скрывая внутренность фигур.
Сплетая жизнь в венки сонетов —
ромашки, кашки – клевера,
в одни вопросы без ответов,
а мы уходим со двора...

Finita la...?

Платье из ситца

Вот и лето,
и платье из ситца,
и уже не уральский загар.
С очевидностью всей очевидца
отражает тебя тротуар.
Город смотрит в тебя, как в обнову,
словно вылез вчера из трущоб,
главной улицей гнётся в подкову,
в небе тучку скребёт небоскрёб.
И глазуют, глазуют,
глазею
в блеске стёкол витрин, фонарей,
и от крепкого кофе хмелею,
с «Капучино» за двести рублей:

Ты идёшь, бело-русое лето...
И в кафе заплываешь одна.
Эх, посмотреть бы в тебя до рассвета...
Но... ждут внуки, дела и жена.

Станцуем танец на углях

Станцуем танец на углях!
Такие танцы нынче в моде?
Костёр разложим в огороде,
стихи напишем на полях.
Июльским тезисом легко
мы грёзы все свои разрушим,
углём расковыряем души,
пошлём всё к чёрту, далеко.
Танцуй, танцуй... огонь внутри
ступни не обжигает пеплом,
его от нас уносит ветром,
и лето сушит сухари.
Я знаю, в лютом декабре,
где неизбежные морозы,
где не удобные вопросы,
где даже полдень на заре,
мы вспомним танцы на углях...
Как с трав росой звенело утро,
пищал комар слегка занудно,
а пепел превратился в прах...

Станцуем танец на углях?

Ступни запутались в песках

Ступни запутались в песках,
а в Гюльчатой товарищ Сухов.
Стоял Петруха на часах,
в бездонном небе зрело ухо,
ловило шорохи земли...
А звёзды уплывали в дюны,
ползли в пустыне корабли,
нам снились сны, мы были юны.

Горел обугленный песок,
мы разожгли его телами.
И делом тонок был Восток,
грозил пески укрыть снегами.
Но подгонял коня Саид,
а ты с тех пор была раздета,
в страну далёких пирамид
ушёл по дюнам след Джавдета.

Но звёзды там, где Самарканд,
Хромой Тимур, и шок, и трепет,
сожжён песок, ушёл десант,
а мы с тобой – зола и пепел.

Кайнозойская эра

Ну, привет, дорогая, я здесь,
словно чёрт из своей табакерки.
Снова дождик стучится об жёсть
и до пятниц промокли четвёрги.

Я сошёл на знакомый перрон
в южный город приморского края,
и уже растворился вагон
динозавровый из Мезозоя.

Стёрлись Юра*, Карбон* и Триас*
и метут мне на лысину мелом*,
Кайнозой у нас здесь и сейчас,
солнце хочется чувствовать телом.

Только льют проливные дожди
и табак намокает вирджинский,
в «Роза Хутор» засели вожди,
и ржавеет без солнца Держинский.

Я оставлю в асфальте следы,
их без мыла дождями отмоет,
эти улицы будут чисты,
динозавры все там, в Мезозое.

**Юра, Карбон, Триас, Мел – периоды мезозойской эры.*

Два шага до этногенеза

Тополя не мёрзнут на ветру,
отпуская шёпот свой по ветру.
Я его в охапку соберу...
воробьи и в дождь сидят на ветках.
И сорока подлетает к ним,
видно, вести принесла из леса,
что в лесу процесс необратим,
там два шага до этногенеза.

Дождь идёт, пернатые трещат,
разговор, видать, идёт нескучный.
в телефоне мой забанен чат,
разговор оборван ненаучный.
Потерялись слово и язык,
непривычно говорить по-птичьи.
В многоточьях хитрых закавык
не заметны облик и обличье.

Я не тополь, мёрзну под дождём
и не вписан птицами в сценарий,
пусть щебечут – я здесь не причём,
и совсем к ним не пассионарен.

Осенний иронический

Вот уже и золото разъедает ржа,
я стою на холоде, под дождём дрожа,
одинокий тополь – во главе проблем,
а в глубокой шахте дремлет «Тополь М».
Спряталась кукушка в ходики-часы,
в снежные ландшафты средней полосы.
Не спешит из часиков мне сказать: – Ку-ку,
царствует сегодня, лёжа на боку.
Иней серебрится на моём авто,
в стойле жеребится серый конь в пальто,
под луною снежно льётся через край
озеро надежды. Это ли не рай?
26.10.2018

Хоть утро выглядит тревожно

Я улыбнусь себе в усы,
хоть утро выглядит тревожно,
подзаведу свои часы —
мне это по утрам несложно.
С кровати вытолкну себя,
тебя дыханьем обогрею,
все звуки поползут, скребя
водой в каналах батарейных.
Забуду Тору и Талмуд,
Коран и Библию-Христову.
Зима. Замерз под снегом пруд...
Зачем замерз? Да просто к слову...
Не к ночи снег. Помянут сон.
А что там было? Небылицы.
На снег нам снятся испокон
покойников родные лица.
Они живут, живут они,
живут – и смерти не боятся,
пока у звёзд горят огни,
пока они под утро снятся
08.11.2018

Шуршит одеяло бамбуком

А звёзды, холодные звёзды
горят, как дешёвые стразы:
кометы летят, белохвосты,
бросая на нас свои сглазы.
А ты углубилась в подушку,
и спряталась под одеяло,
и хочешь шепнуть мне на ушко,
что осень тебя напугала,

Что ветер стучит по карнизу
и сердце теряет отвагу,
что эра ушла коммунизма...
Подвинься – я рядом прилягу.
Не бойся, к луне убегает
пятнистая рыжая кошка,
луна облаками моргает
и тени бросает в окошко.

Шуршит одеяло бамбуком.
Откуда бамбук на Урале?
Ты слышишь – не слышно ни звука?
Мы страхи твои распугали.

09.11.2018

Снег и Карлсон вернулись

Снег и Карлсон вернулись,
плюшки съела Фрекен Бок,
ты, прощаясь, оглянулась,
и клубочком колобок
покатился по дорожке,
проложив себе лыжню,
белой пылью сели мошки
на деревья в стиле ню.
И по первому сугробу
ходит, бродит Винни Пух,
ловит ртом в свою утробу
этих лёгких белых мух.

Ты бросаешься снежками
и стихами наизусть,
лето где-то на Майами
заблудилось,
ну и пусть.

Весеннее аптечное

Солнце брызжет тёплыми лучами.
Серый, серый прошлогодний снег
под твоими тает каблуками
в переулке там, где шесть аптек.

Ты идёшь навстречу мне, родная,
а походка – прямо от бедра:
точка, точка, плюсик, запятая,
крестик, нолик – глупая игра.

И летит в меня весенний ветер,
чтоб тобою голову вскружить.
Шесть аптек? Зачем? Афиши светят —
предложил нам кто-то долго жить.

Ты подошла

Ты подошла, пахнула косметичкой,
Снёс череп напрочь дерзкий аромат,
Как будто кто-то в сердце чиркнул спичкой,
Но, к счастью, я уже сто лет женат.

Сто лет женат, столетье – это вечность,
Прожить столетье, в целом, не вопрос.
И, потеряв давно свою беспечность,
Я берегу свой любопытный нос.

Ты так юна и так свежа, как утро,
Прекрасной самой раннею порой,
А я испорчен древней «Кама-Сутрой» —
Наукой книжной, ставшею игрой.

Подумал так, а бес ребро щекочет,
И над душой навязчиво стоит,
И отпускать уже никак не хочет,
И пальцем струны в сердце шевелит.

Звучит аккорд, мои желанья юны,
Твоя симфония – уже во мне,
Как Паганини, рву от страсти струны,
Могу сыграть и на одной струне.

Мартовское, монашеское

Снять с тебя последнюю рубаху
и одеть последнюю свою?
Но рубаху Бог не дал монаху —
в черной рясе у икон стою.
У икон стою и что-то стою,
пальцы в щёпот, трепетность руки,
Николай Угодник надо мною,
я несу к нему свои грехи.
Хоть в душе молитвами безгрешен
и блюду монашеский стандарт,
но несет, несёт меня на стрежень
вольный ветер и весенний март...

От ноты «До», до ноты «Си»

От ноты «До» до ноты «Си» —
весь нотный стан, как стан девицы,
капель с карнизов голосит,
и эту песнь разносят птицы.

Кошачий март ревёт у крыш —
люблю я в марте песню эту,
под снегом мирно бродит мышЪ,
коты забыли про диету.

А я ловлю твой дерзкий взгляд
с такой туманной поволокой.
И ночью сон – все сны подряд,
твоей заполнены морокой.

Солнце светит

Солнце светит. На пригорке
у берёз, в тени ветвей,
в муравейнике, из норки
вылез рыжий муравей.

Улыбнулся миру рыже,
удивился, что весна,
что берёзка так бесстыже,
без листвы стоит стройна.

Верба почки приоткрыла
щекотать пыливый нос
(в нём всё знание и сила),
и воскрес Иисус Христос.

Идёт весна

Идёт весна, идёт весна.
Идёт весна со мной под ручку,
Гулять с ней будем дотемна
И прогуляем всю получку.

И прогуляем эту жизнь
И жировые накопленья.
Продлись, мгновение, продлись!
Ты стоишь этого, мгновенье.

Очарование твоё
Пускай идёт по жизни с нами,
В квартире с видом на житьё
Дурными не тревожит снами.

Сегодня просто не до снов,
Не время спать с весной под утро,
Когда совсем не нужно слов...
Без слов понятно всё как будто.

УРАЛЬСКИЙ ФУТУРИСТИЧЕСКИЙ МИКС

Девушка из небылиц

Солнце выползло на небо,
ты летишь из-за границ,
шоколадное плацебо,
девушка из небылиц.
Здесь у нас в горах Уральских
тает горький шоколад,
в кремнезёмовых хрустальцах
с головы течёт до пят
в молоко, снимая пенки,
я слижу их языком,
там, где девичьи коленки,
там, где пятки пахнут мхом.

На Ивана, на Купала,
лёжа ночью у костра,
вспомню я, как ты дышала,
в час, как схлынула жара...

В параллельности Вселенных

Дремлет морок, скинут полог,
у коломенской версты
поработал футуролог —
из могил торчат кресты,
словно ключики от двéри,
где страна для дураков,
бродят демоны и звери,
и добро без кулаков.
У избы на курьих ножках
загрустил глазастый Вий,
в маках, в аленьких цветочках
в асимметрии стихий.
В параллельности Вселенных
зорко чьи-то бдят глаза,
по невинно убиенных
по щеке течёт слеза.
И ползут, текут в воронку
олигархи и народ,
кто с сумою, кто на шконку,
по дорогам – крестный ход...

А если...

И снова звезда оторвётся —
Не держат её небеса.
Вода не замёрзнет в колодцах,
В которых звучат голоса,
Оттуда и небо слышнее —
Зачерпывай звёзды ведром!
А сколько – оценим позднее,
Зачем – станет ясно потом.

Но смотрим с тревогой на небо,
А там в черноте облака,
Разлилось над миром плацебо
И смотрит на нас свысока.
И скоро планета Нибиру
Очертит невидимый круг.
Ты на слово веришь факиру?
А может,... а если,... а вдруг...

Умереть мы с тобой успеем

Умереть мы с тобой успеем:
дело не хитрое, в общем,
здесь ветром метёт суховеет
и за переездом в роще.
И все реки текут на запад,
и рыжих волбс завиток...
иду по нему на твой запах,
а Исеть течёт на Восток.

На луну улеглись туманы,
и укрыли на теле дрожь,
но туманы местами рваны,
а над пропастью зреет рожь.
Что пожнём, то весной посеет,
нам друг друга бы распознать,
эх, любилось бы... не умеем
рано камушки собирать.

Самоцветные малахиты
на уральской лежат гряде,
а слова наши все размыты —
пишем вилами по воде,
и, дыханьем тебя касаясь,
слышу я возле сердца хруст,
от себя и меня спасаясь,
не бросай их в терновый куст.

Скоро

Скоро калики перехожие,
скоро серые журавли,
скоро кончатся дни погожие,
скоро вымокнут ковыли.
Будем ждать холода со стужею,
будем сыпаться в нафталин,
а в Париже живёт француженка,
в доме жарко трещит камин.
И мечты наши не сбываются,
«Мулен Руж», «Пляс Пигаль», «Монмартр —
детство с юностью дурью маются,
заблудившись в названьях карт.

И В ШУТКУ И ВСЕРЬЁЗ

Про интернет и репу

Я захотел к тебе, но интернет
завис в пространстве у земли и неба.
Ему поймать движение планет —
на раз, два, три, но есть луна, как репа.
Кипит котёл, в нём кашу не сварить.
И корнеплод сидит на грядке прочно.
Дед с бабкой вышли внучку покрестить,
а Жучка кошку любит непорочно.
Не дует в ус любвеобильный мышЪ,
ведь он у мурки светом стал в окошке.
А дырки звёзд видней с покатых крыш,
они блестят в глазах у серой кошки.
Мерцают звёзды, виснет интернет,
ты где-то там, вокруг во всём нелепость,
без интернета жизни как бы нет —
меж звёзд на грядке процветает репость.

Поэтессе со «Стихи.ру»

С работы иду на другую работу,
К тебе на страничку, где ботают боты,
По фене, по хокку и по рубаи...
Я выйду из сумрака в руки твои.

Раздену все акры, накрою все чакры
И выдвину танку к границам де-факты.
Устал амфибрахий, и ямб, и хорей,
Ты жаришь в Саргассовом море угрей,

Которых поймала на хитрую донку,
А Джек Воробей давит жёсткую шконку
И пишет на шляпе сонеты свои,
Чернила из вены по капле кроит.

А я всё читаю, читаю, читаю,
За окнами окна уже засыпают...
Просохнут чернила и вены к утру,
«Backspace»ом, как ластиком, их подотру.

Под лозунги осени

Рыжики – рыжим, маслята – маслятым,
белые – красным, бычки – быковатым,
грузди – зубатым, лисички – к синявкам,
всё, что внутри их – жукам и козявкам!

Ржавые травы с пожухлой листвой
здесь под березой, а там – под сосной,
с неба дождинки, морозы на почву,
чушь из головушки губы лопочут.
Видимо, нету царя в голове,
мёрзнут букашки в пожухлой траве,
видимо, осень такая пора:
в небо уходит журавль со двора,
снова ночами зачем-то не спится,
сны все украла родная синица.

Трамвай желаний

С утра трамвай набит народом.
Я сжат, стою, едва дыша,
Зажата вся моя природа,
Свободы требует душа!
Но напахнуло феромоном,
Как с моря дунул ветерок,
В висок ударило гормоном,
Желудок сделал кувырок.
А ты ко мне прижалась станом,
Тугим, упругим, словно мяч,
Я тупо замер истуканом,
А мыслями помчался вскачь.
И вот уже трамвай желаний
Идет по рельсам не туда,
В душе горит свеча страданий,
Как путеводная звезда.

Но выскочу на остановку,
Её названья не спросив,
Имел когда-то я сноровку
Спокойно ездить на такси!

Разгоняю всех сорок

Твоя метла стоит в углу,
а я в саду на страже – в вилы,
с упрямством грозного страшили
стою в капусте на посту
и разгоняю всех сорок.
Луна бледна красноречиво,
моё не криминально чтиво,
зато уже капусты впрок.

На славу вышел урожай
и корнеплоды уродились,
в лесу кукушки удивились,
а журавли уральский край
спешат покинуть. На крыло
встают, маршрут держа по звёздам,
отдав дождям родные гнёзда,
да, просто время подошло
смотреть на полную луну,
отвыкнув, звёздам удивляться,
и тенью мрачно преломляться
в душе у осени в плену,

морозу в солнце сомневаться,
и верить в скорую весну.

Подожду карету

Я сказал себе: – Иди!
Вó поле дорога,
может, встал не с той ноги,
или выпил много.
Утро ночи мудреней —
это, братцы, враки,
в чёрном небе нет огней,
там зимуют раки.
Не политкоректен я,
адрес их не знаю,
где ты, Родина моя,
там и хата с краю.
Там и горе от ума,
и ответов нету,
и тюрьма там, и сума,
подожду карету...

15.10.2018

Там, на неведомых дорожках

Там, на неведомых дорожках,
Живу с тобой в глухих лесах,
К нам в гости прилетает мошка,
Приходит кот в больших усах.
Метлой толчешь ты воду в ступе,
Не редко бьёшь меня клюкой,
И варишь мне лягушек в супе,
И манишь костяной ногой.

Налево я хожу к русалке,
Нас охраняют упыри,
Тебе твержу, что на рыбалке,
Пью с лешаками до зари.
Где на болотах черти пляшут,
Где гуси-лебеди летят,
Они крылами солнцу машут,
Они украсть меня хотят.

Но держишь ты меня надёжно,
В яйце хранится жизнь моя,
Яйцо сломать совсем не сложно,
А в нём иголка тонкая.
С тобой живу, моя старушка.
Я твой Кощей, а ты Яга,
В лесах затеряна избушка,
От глаз укрыты берега.

2017 г.

Конь в пальто

Вот и вышел конь в пальто
в белый снег хрустящий, новый,
(с неба сеет решето)
и пошёл срывать подковы...
Мимо дни.
И страшный век
не сулил ему медали,
шёл под снегом человек
и крутил свои педали.

А навстречу, в никуда,
как всегда, невозмутимо,
шёл, бродил туда-сюда,
сивый конь из Тыгыдыма.

23.11.2018

А не пора ли нам...

А не пора ли нам, пора...
Грамм сто для храбрости с утра?
Сто пятьдесят принять в обед
В обход бульона и котлет?
Грамм двести-двести пятьдесят
На ужин съесть под поросят?
Глядишь, и выпита бутылка.
От ног, до самого затылка
Я начинаю уставать,
А завтра рано мне вставать.
Такой пустяк – вставать с утра
В тепло турецкого ковра.

А скоро праздник Новый год
Придет и встанет у ворот,
Спрошу свинью: – Ты чья? Ты чья?
Она ответит: – Я ничья!
Опять ничья? Опять ноль-ноль?
А как там, в Дании, король?
А, впрочем, нет там короля,
Там королева у руля.
А «Гамлет» снова в «Коляде», *
Страна – в надежде и в труде.
В тайгу упал метеорит,
А Коварж* вытащил булит.

И дел как будто громадьё,
Шипулин* зачехлил ружье,
В телеэфире каждый день;
Тень подпирает свой плетень.
И спорит правда, спорит ложь —
Ток-шоу, что с него возьмёшь?
И в моде «Модный приговор»,
И вкусен костромской сыр-бор.
А вина все теперь в Крыму,
И самолёт под хохлому,
А небо – в самый синий цвет
На самой лучшей из планет!

И мыслью в темечко тук-тук
Мне «скрипка, бубен и утюг»*.

**А «Гамлет» снова в «Коляде», – спектакль Екатеринбургского театра «Коляда-театр». В главной роли Олег Ягодин, заслуженный артист РФ, лидер рок группы «Курара».*

**Якуб Коварж – вратарь хоккейного клуба «Автомобилист» г. Екатеринбург.*

**Шипулин Антон – биатлонист, чемпион мира и олимпийских игр.*

**«Скрипка, бубен и утюг» – пьеса Николая Коляды.*

Бродят тени за окошком

Бродят тени за окошком,
Спит собака, дремлет кошка.
Ночь щетинится ежом,
На диване ты ужом,
А весь день была гадюкой,
Я страдал ужасной мукой!
Только му́ка не мука́,
Не дрожит моя рука.
Глажу змейку, не робею,
Я тебя сейчас согрею.
Ты начнешь во сне зевать,
Скрипнет наш диван-кровать.

Ночь гуляет за окошком,
На полу сплю рядом с кошкой.
Ноги лижет верный пес,
Тыча в пятку влажный нос.
На диване спит ехидна,
Мне её почти не видно.
Я гоню сомненья прочь —
ночь в окошке, в сердце ночь.

1997 г. в новой редакции 2019 г.

Я берёзе белой

Я берёзе белой нож засуну в бок.
По коре бугристой заструится сок.
В роще соловьиной где-то бродит Лель.
Голову мне сносит бешеный апрель.

За тобой гоняюсь – не найду, увы.
Тропы заколдовали древние волхвы,
Марой замуравило, мхами лес оброс,
Но со мною рядом сам Иисус Христос.

Влагою живительной обопьюсь с утра,
Хоть и убедительно ты была хитра,
Прикоснусь в смущении к молодой весне,
Разопну красавицу на лохматом пне.

Свидание

Недорезанный лимон
Мокнет в чайной кружке.
Роз лохматых миллион
Я принёс подружке.
Кот урчит в моих ногах,
Дребезжит рулетка.
Стол заставлен в пирогах,
Странно смотрит Светка.
А на пальчике кольцо
Бликами играет,
И морщинка на лицо
На моё сползает.
А глаза – осколки льдин
На зиму похожи:
– Вы, залётный гражданин,
Больше к нам не вхожи!
Я к двери бочком прилип,
Мысли перегреты,
Нехороший кот Филипп,
Намочил в штиблеты.

25.09.2017

Враг не пройдёт

Враг не пройдёт!
Душа вся в минном поле,
а за окопом спит заград-отряд.
и где-то вождь идёт на ледоколе,
и топит лёд горячий шоколад.

Мне б только сил хватило до рассвета,
уже не нужно никаких причин
смотреть на осень, как она раздета,
и то, что кофе малокапучинЪ.

Чудо-явь

Чудо-явь и чудо-сказка,
чудо-вымысел и быль.
В небе синька – это краска,
на дороге пепел – пыль.
Вот встаёт над горизонтом
солнца вымученный диск,
и ползут по лесу с понтом
вздохи, шорохи и писк.

Пробуждение природы,
улетает тень луны,
в ямы прячутся уроды —
вурдалаки, колдуны.
Леший в пень преобразился,
в жабу – мокрый водяной,
и утопленник укрылся
с ним русалкой ледяной.

Не блестят под лунным светом
кости страшного коня,
не беснуется при этом
тень злодея упыря.
Не идет Кощей Бессмертный
заколдованной тропой,
в этот самый час рассветный
начинается покой.

Спят кикиморы в болоте,
словно кочечки точь-в-точь,
утро тает на излёте,
будет день, и снова ночь.
И луна нечистой силы
по лесам поднимет рать,
В это время, друг мой милый,
лучше дома мирно спать.

Просто, лёжа на диване,
обнимать жену свою,
грязь, отмыв в горячей ванне,
как с русалки чешую.

Меняет ветер

Меняет ветер запах «Givenchy»,
а некто Болдин напророчил осень,
спешит брандмейстер осень потушить,
но получается, увы, не очень.
Сжигать листву не модно во дворе,
где много новых красок у природы.
Ты заждалась, сгорая на ковре,
ковёр ворсист, в нём нет плохой погоды.
Я заряжаю хитрый пепелац,
в замок надёжно вставив гравицапу,
вот так стихи вылазят за абзац
короткой строчкой прямо по «Вацапу».
Нет больше слов, осталось только «Ку»,
но им от спички искру не потушишь,
и я спешу в Нью-Йорк или Москву
по облакам, где не осталось суши.
15.10.2018

Метаморфозы

«Скрипит потёртое седло»,
но под седлом сива кобыла,
Прованс далёкое село —
не велико и не мало,
глядит из детских сказок мило.
В стогу игла, а в мыле шило,
туманом взгляд заволокло.

Давным-давно, до нашей эры,
когда я был, как бык, здоров,
вдыхали аглицкие сэры,
минхерцы, принцы, флибустьеры
и дамы сдувшихся родóв.
Вставали все из-за столов
и рады были мне без меры,

А нынче только доктора
читают эпикризы лихо,
и только лёгкий чай с утра,
и только ветер со двора,
эх, не будил бы ветер лиха.
И так во всём неразбериха,
а мне на подвиги пора.

Но пепел крепких сигарет —
эрзац от острова Фиделя:
таких давно в продаже нет.
И Монтекристо (не секрет)
совсем не граф на самом деле.
И дважды два – с приставкой «теле»,
и вся реальность – интернет...

19.10.2018

Я не люблю зимы метаморфозы

Я не люблю зимы метаморфозы,
И мне себя уже не обмануть,
Кому-то нравятся крещенские морозы,
А мне они не нравятся ничуть.

Я не люблю, когда вдруг снег растает
Под самый лучший праздник Новый Год,
Когда вчерашние тропинки заметает
Ночной метели снежный хоровод.

Я не люблю холодную квартиру
И не люблю холодную постель,
Предпочитаю мягкому пломбиру
Из водки с пивом солнечный коктейль.

Мне хорошо с моей женой в кровати,
С чужими тоже очень хорошо,
Мои грехи в стихах, в моей тетради,
Для них другого места не нашел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.